

- Бажов П. П.* Карта «дубинщины» // Крестьянская газета. 1928. № 80. 7 нояб.
Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955.
Батин М. Павел Бажов. Свердловск, 1983.
Боголюбов К. В. Наш Бажов // Южный Урал. 1951. № 5.
Быков П. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Указ. соч. Т. 1. Пг., 1915.
Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936.
Дергачев И. А. Дела литературные // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. М., 1973.
Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность, творчество. Свердловск, 1977.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотая лихорадка: Очерки и рассказы. Екатеринбург, 1900.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Покорение Сибири // Мамин-Сибиряк Д. Н. Зимовье на Студеной: Рассказы, очерки. Свердловск, 1978.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1981.
Неведомский М. Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней. Петроград, 1919.
Урал. 1987. № 12.

Л. С. Соболева

ИСТОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Размышления времени о староверии

Осознание Д. Н. Маминым-Сибиряком особенностей уральской жизни во многом связано с изображением старообрядчества. «Для Мамина раскол – явление народной жизни, над которым следует задуматься не для того, чтобы “разоблачить” несостоятельность религиозных догм, а чтобы понять, чем была вызвана “смута”, чем подерживалась, какие силы души приводит в движение, какую роль играет в жизни сегодня», – писал авторитетный исследователь творчества писателя И. А. Дергачев (1977, 56). Об особенностях раскрытия темы старообрядчества в творчестве Мамина-Сибиряка и, в частности, об отношении писателя к творчеству Аввакума писалось неоднократно (см., например: Дергачев, Соболева, 1984, 22–34). Необходимо особо упомянуть обзорную статью В. С. Приходько, ценность которой состоит в обращении к архивным материалам, хотя характеристика образного воплощения писателем феномена староверия самая общая (см. об этом: Приходько, 1982, 111–119).

Между тем понимание уральским писателем исторического пути старообрядчества и значения этого явления в русской жизни очень неоднозначно и многогранно. Для своего времени художественный путь познания староверия Д. Н. Маминым-Сибиряком оказывается в наибольшей степени адекватен сложности и национальной уникаль-

ности этого религиозного движения. Обратимся к характеристикам, сложившимся в русской общественной мысли к восьмидесятым – девяностым годам XIX века, т. е. к моменту обращения писателя к старообрядческой тематике.

С середины XIX века начинает признаваться уникальность старообрядчества. До этого момента староверие, упорно именуемое в официальных кругах расколом, оценивалось как движение, противоречившее официальной церкви, вызванное исключительно непросвещенностью и непониманием староверами роли и значения церковного института в жизни государства. Многочисленные выступления православных авторов против староверов были проникнуты полемической и увещательной задачей, главной целью оставалось принудить староверов перейти в официальное православие. При этом обе стороны отличались абсолютным и полным неприятием аргументов друг друга. Основное содержание установок староверия видели исключительно в обрядовой разнице, сопротивление церкви приравнилось к сопротивлению государству. Подобная точка зрения появилась еще в конце XVII – начале XVIII века¹. Одной из концептуальных для православия работ было исследование митрополита Макария, где отмечалось, что раскол «есть уже противление власти церковной, а иногда вместе и гражданской, действующей заодно с церковной» (Макарий, 1855, 196). Вместе с тем синодальным историкам принадлежит заслуга сбора и публикации документов о старообрядчестве, как правительственных, так и вышедших из раскольничьей среды.

Внимание правительства к раскольникам было активизировано в середине 50-х годов XIX века вследствие желания нейтрализовать попытки демократических кругов использовать энергию отрицания, накопленную в старообрядческой среде. С 1850-х годов стали открываться миссионерские отделения при духовных академиях и семинариях, что должно было повлиять на образованность в этом вопросе церковнослужителей. Катализатором процесса публикации многочисленных материалов и исследований о расколе во второй половине XIX века послужило замечание императора Александра II, сделанное им в 1858 году, о необходимости иметь более полные систематические и основательно обработанные сведения о расколе, так как существующие представления об этом движении весьма противоречивы.

Замечание императора вызвало лавину изданий, были даже основаны такие специальные журналы, направленные преимущественно против раскола, как «Православное обозрение» (Москва), «Православный собеседник» (Казань), «Душеполезное чтение» и «Братское слово» (Петербург). Материалы о староверах печатались в региональные «Епархиальных ведомостях» и в трудах духовных академий. К систематическому исследованию памятников старообрядческой литературы обратился в 1861 году священник Александр Броквич (1861). Книга была предназначена прежде всего для миссионерской деятельности, и ее задача состояла в борьбе со старообрядческими заблуждениями. Желая информировать своих читателей, Александр Броквич старательно пересказал ряд ранних сочинений староверов и привел сведения об их авторах.

Своеобразный итог синодальным исследованиям был подведен в 90-х годах основательными работами П. Смирнова, к которым мы еще вернемся в связи с его полемикой со светскими историками. Им был написан труд «Исто-

¹ Самой популярной являлась книга А. Журавлева, где были приведены копии документов и факты (см.: Журавлев, 1795).

рия русского раскола старообрядства», который был рекомендован при изучении раскола в духовных семинариях и с 1892 года формировал основные принципы оценки староверия духовными чинами. Смирнов декларировал, что раскол «есть болезнь организма русской Церкви», «букво-обрядовое направление в религиозной жизни, исчерпываемое учением об известном рода церковно-богослужбных книгах» (Смирнов, 1895, 3).

С конца 1850-х годов начинается разработка вопроса в светской историографии. Публикация работы профессора Казанской духовной академии А. П. Шапова поразила современников непривычным взглядом на старообрядчество, смелыми выводами, попранием привычных негативных оценок раскольников как записных консерваторов. Не преувеличивая демократические возможности времени, следует отметить, что научная честность стоила историку карьеры и в конечном итоге самой жизни². В трудах Шапова и его последователей развивались идеи, что староверие есть не только внутрицерковное движение, но и явление «гражданской народной жизни». Именно здесь раскол получил «силу и направление и принял характер уже не просто духовно-демократический и мистико-фанатический, какой принял он с самого начала при патриархе Никоне, но уже чисто народно-гражданский» (см.: Шапов, 1906, 218–219). В программной для демократической концепции раскола статье «Земство и раскол» («Отечественные записки», 1861) Шапов утверждает точку зрения на раскол как на «общинную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского». Историк подчеркивает особое значение раскола для пробуждения «своеобразной мыслительности народной». В работе отмечался высокий уровень народной грамотности, включая женскую, в старообрядческих общинах: «В то время как православный мужичок мало думал, почти ничего не знал, не писал, не сочинял, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть бы там ни было на первый раз» (Там же, 502).

В современной историографии справедливо отмечается, что именно Шапов впервые подметил способность староверия пробуждать творческие силы народа и связал появление и распространение раскола как идеологии социального и политического протеста с тяжелым положением народных масс, непосредственно с крепостным правом (см.: Гурьянова, 1988, 10). Книга Шапова произвела впечатление даже на таких передовых людей эпохи, как А. Герцен и Н. Огарев. Складывалось впечатление, что действительно упущены какие-то неведомые возможности народных оппозиционных настроений³.

Лондонская эмиграция, как потом язвительно писал церковный историк П. Смирнов, «неудачно заигрывала со старообрядцами». На самом деле у издателей «Колокола» исторически оппозиционные настроения староверов вызывали утопические надежды перевести их в иную – революционную тональность. В связи с этим Герценом и Огаревым было учреждено новое приложение к «Колоколу», предназначенное специально для старо-

² А. П. Шапов, будучи профессором Казанского университета, 16 апреля 1861 года произнес речь на панихиде по убитым крестьянам из села Бездна Спасского уезда, за что был арестован и осужден в ссылку на Соловки. Вмешательство общественности, подогреваемое Герценом, избавило его от ссылки, но явилось основанием для новых обвинений в связях с «лондонскими пропагандистами», от чего ему с трудом удалось оправдаться. В 1864 г. А. П. Шапов был сослан в Иркутск.

³ В. И. Кельсиев в «Исповеди» вспоминает, что к старообрядческим материалам Герцен обратился после шума, «незадолго до этого наделанного книгой Шапова» (см. об этом: Лит. наследство, 1941, 284–285).

веров, —«Общее вече» (1862–1863). Не вдаваясь подробно в историю издания, скажем, что оно должно было поднять значение староверческого движения для русской истории и связать его с общей борьбой за свободу вероисповедания. Идея объединения староверов под лозунгами либеральной лондонской печати не состоялась, хотя Огарев пытался писать на понятном для религиозного человека языке. Обращаясь к лидеру беспоповского согласия Павлу Прусскому, он пишет о свободе убеждений, о праве человека гласно, а не тайно принадлежать к избранной им церкви, о подчинении совести, а не долгу «извне насилем налагаемому» (см.: Лит. наследство, 1956, 136 – письмо от 29.03.1863 г.). Народники, как известно, предпринимали хождения к крестьянам, вовлекая в сферу интересов старообрядчество. Факты подобного рода известны и на Урале. Например, по материалам следственного дела Аркадия Бирюкова из Кунгура выясняется его особое внимание к раскольникам при сборе материалов для характеристики крестьянского мировоззрения, а в 1863 году он переходит от этнографического изучения крестьянского быта к открытой агитации (см. об этом: Базанов, 1974, 233).

Попытки внести в старообрядчество революционное демократическое начало должны были насторожить правительство, но практически никак не отразились на состоянии умов самих староверов. А вот что действительно имело более существенное влияние на русскую общественную мысль и демократические настроения, так это публикация Кельсиевым правительственных документов о преследовании раскола, которую он организовал по поручению Герцена и Огарева (см.: Кельсиев, 1860–1861). Документы говорили о многом, и главное – разрушали миф об увещательной политике правительственной церкви по отношению к староверам. Жестокость правительственных репрессий с этого момента перестала быть тайной (см. также: Клибанов, 1973, 16–17). Однако не секрет, что обращение к старообрядчеству в русской общественной мысли пореформенного периода было связано с выработкой конкретной политики, поэтому преследовало скорее публицистические, нежели научные цели.

Последователь А. П. Щапова В. В. Андреев также считал крепостное право главным виновником возникновения раскола, указывал на изменение характера движения в зависимости от «слабых сторон» в порядке государственного правления: от религиозного к политическому и социально-экономическому (Андреев, 1870, 7). В факте распространения в петровское время легенды об антихристовой сути императора автор видел проявление народной оппозиции и утверждал положение о политическом характере движения. Раскол в политическом отношении представлялся Андрееву безопасным для современного ему состояния общества, а главный исторический результат старообрядческого движения, по его мнению, заключался в развитии русской народности, содействии обрусению окраины государства и приобретении Россией новых областей (см.: Там же, 13). Иными словами, в 70-х годах XIX века исследователи пытаются убедить правительство в относительной безопасности раскола. Так, П. И. Мельников, будучи признанным главным экспертом по делам староверов, уверял правительство в полной безвредности раскола не только в государственном, но и в общественном отношении (см.: Странник, 534–564).

Интерес к староверию обостряется в пореформенные годы и вызывается желанием понять ту силу народного духа, с которой связываются даль-

нейшие перспективы обновления общества. В светской печати начинают издавать старообрядческие сочинения, в комментариях к которым осторожно обходят практические задачи пасторского увещевания. Д. С. Кожанчиков (1862) печатает публицистические старообрядческие послания, а Н. И. Тихонравов совершает своего рода переворот в понимании художественного значения памятников староверия, опубликовав в издаваемых им «Летописях русской литературы и древности» «Житие» протопопа Аввакума (см.: Автобиограф. протопопа Аввакума, 1861, 117–173). Два года спустя исследователь делает достоянием читателя «Историю Саввы Романова» (История о вере..., 1863, 111–148) и затем обличительное старообрядческое сочинение против Никона-патриарха (см.: Обличение на Никона..., 1863, 133–178). С шестидесятых годов мужество и страдания староверов входят в образный мир художественной культуры времени, а пафос и страстность старообрядческих памятников влияют на литературный стиль эпохи.

Определенным поворотом в принципах публикации старообрядческого памятника не по случайным рукописям, а с использованием многих известных списков и его научным комментированием стала работа Е. Е. Замысловского, завершенная в 1875 году (см.: Замысловский, 1877, 1–129). К принципам объективности в публикации материала приближается духовно-академическая школа. Профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин начинает издавать восьмитомные «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (М., 1878–1890). В этом и других периодических изданиях (например, «Братское слово»), в монографиях Субботин сумел собрать огромный материал самых разнообразных литературно-художественных жанров, а также памятники публицистического и богословского характера, написанные самими раскольниками. Используя эти материалы, а также вновь найденные, профессор этой же академии Н. Ф. Каптерев в солидной монографии о борьбе староверов с Никоном с богословской точки зрения рассмотрел вопрос об обрядовой «неправильности» древнерусской церковной службы (см.: Каптерев, 1887). Его выводы вызвали своего рода шок в среде церковных историков (того же Субботина), так как автор доказывал, что именно в древнерусском церковном обряде сохранились элементы древнейшего византийского обряда. Эта идея потом развивалась в книге А. К. Бороздина о протопопе Аввакуме (см.: Бороздин, 1898) и в исторических разысканиях Е. Е. Голубинского. Со староверов фактически были сняты обвинения в тупом упрямстве при защите искаженного обряда как причине возникновения движения.

Стремление увидеть в расколе твердость духа русского народа и проявление его творческого потенциала характерно для оригинальной работы Н. И. Костомарова «История раскола у раскольников» (1870), которую он написал в связи появлением «Исторического словаря староверческой церкви» Павла Любопытного (см.: Вестник Европы, 1871, кн. 4). Костомаров продолжил удивлять общество своими выводами, опрокидывая привычные характеристики староверов. «Потребность удержать то, что прежние века стояло твердо, не подвергаясь колебанию, вызывало вслед за собой такие духовные нужды, которые вводили русский народ в чуждую ему до того времени область мысленного труда, – писал историк, заставляя читателя сомневаться в, казалось бы, незыблемых истинах, – Раскол не есть старая Русь; раскол – явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека ... В старой Руси господствовало

отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих: раскол любил мыслить, спорить, раскольник не успокаивал себя мыслью, что если приказано сверху так-то молиться, то стало быть так и следует. Раскол хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскол пытался сам все поверить и исследовать». В этом плане раскол, по мнению Костомарова, является «крупным явлением умственного прогресса», и его значение для народа, прежде всего, образовательное (см.: Вестн. Европы, 1871, кн. 4, 469–470; 498–499; 506; 535). Это несколько утопическое и идеализированное представление о расколе позволяло увидеть сложность и неоднозначность явления. Сочетание двух понятий – *раскол* и *народная жизнь* – в 80-е годы делается нераздельным.

Самые читаемые и прогрессивные журналы того времени («Русская мысль», «Отечественные записки», «Слово», «Вестник Европы») публикуют статьи о расколе, превращая научную проблему в тему для публицистики, но не для увещевания староверов, а напротив, видя в расколе проявление народного духа и пробуждающегося самосознания. «Отечественные записки» в конце 60-х – начале 1870-х годов указывали, что раскол – явление не только религиозное, но и экономическое, отмечали «явное превосходство социального быта в некоторых раскольничьих селениях над бытом соседних с ними православных мужичков» (Отечеств. записки, 1869, 60). История раскола, как представлялось, свидетельствует о существовании самостоятельного мышления народа.

Я. В. Абрамов, один из самых активных журналистов, писавших о старообрядчестве в это время, даже подписывается псевдонимом «Федосеевец» (федосеевцы – радикальный беспоповский толк, вышедший из поморского согласия). Многочисленные публикации Абрамова в 1881–1882 годах в «Отечественных записках» говорили читателю о староверии как об исторически важном движении, хотя и уходящем в прошлое, на смену которому приходит сектантство. Интересно, что в соответствии с народническими взглядами журналист пытался выдвинуть на первый план не столько религиозную, сколько социально-экономическую суть раскола и сектантства. Привлекал Абрамова эффект социального творчества, который, как он считал, присутствует в жизни староверов и наличие критического анализа в их рассуждениях (см.: Там же, 1881, 258). По мнению В. Н. Азбукина, Абрамов явно идеализирует сектантство; кроме того, «признавая, что капиталистические отношения начинают развиваться в деревне, он мечтает приостановить этот процесс, видя в крестьянской общине своего рода противоядие против крупного капитала» (см.: Азбукин, 1975, 44)⁴.

Кроме Я. В. Абрамова, столь же широкий взгляд на раскол проповедовал А. С. Пругавин в «Русской мысли». Он писал, что «только крайняя умственная близорукость может утверждать, что раскол представляет собой явление исключительно религиозное, чуждое всяких бытовых и общественных мотивов и стремлений» (Русская мысль, 1881, № 1, 304). Усиление экономических бедствий, рост кулачества и других проявлений капиталистического строя усиливают и раскол. Эта огромная положительная сила – «самое яркое явление умственной и нравственной жизни наше-

⁴ Замечание исследователя, что работы Абрамова недостаточно известны, могут быть отнесены только к советской историографии. В конце XIX века с ним полемизировал церковный историк П. С. Смирнов (1895).

го народа» (см.: Рус. мысль, 1881, №1). Пругавин развивает идею Костомарова о творческом потенциале старообрядчества. «В раскол, – пишет он, – идут люди наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые» (Там же, 313). Автор показывает, как раскол постепенно освобождается от суеверий и предрассудков, становится все светлее и разумнее, стремится к нравственному совершенству. Именно с ним журналист связывает будущее развитие народа, предсказывая, что «это движение внесет в сознание народных масс новые здравые идеи, поставит новые жизненные идеалы» (Там же, 363).

Естественно, что подобные выводы были сделаны не столько в результате изучения конкретного материала или исследования реальных взглядов и теорий очень раздробленного к тому времени старообрядчества, сколько в публицистическом задоре и эпатаже. При этом догматическая сторона взглядов старообрядчества, по выводам народников, являлась не воплощением работы мысли, а всего лишь внешним оформлением подспудных социальных идей, когда «протест против социального строя был сформулирован посредством истин, взятых из богословских книг» (см.: Юзов, 1881, 22). Желание увидеть реализацию народных интеллектуальных и творческих возможностей в старообрядческом эсхатологическом учении и объявить его близким народническим взглядам привело к схематизации и модернизации неоднозначных и противоречивых старообрядческих теорий.

Смирнов иронически замечал, что «взгляд на раскол, как явление гражданское, начал с того, что заподозрил вред от раскола даже с политической стороны, а кончил открытием одних светлых сторон в расколе: оборот, по меньшей мере странный, хотя и невозможный там, где имеют место предвзятые или заранее составленные теории, где обмысленно факты подбираются искусственно» (Смирнов, 1895, 243). Смирнов называл этих авторов «идеализаторами раскола» и всячески протестовал против переосмысления старообрядчества вне его религиозной обрядовой сущности.

Подобного же рода определение, высказанное не с церковных, а с рациональных прагматических позиций, было сформулировано И. Харламовым в 1881 году в журнале «Дело», с которым Мамин-Сибиряк постоянно сотрудничал (см.: Харламов, 1881). Статья написана публицистом журнала в качестве рецензии на книгу И. Юзова «Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане» (СПб., 1881), статью Пругавина «Значение сектантства в русской народной жизни» (Русская мысль, 1881, № 1) и его же «Программу для собирания сведений о русском расколе или сектантстве» (М., 1881). Публикация Харламова оказала особое влияние на Д. Н. Мамин-Сибиряка, он обращается к ней, например, изображая воздействие старообрядческой проповеди на толпу в романе «Три конца».

Харламов считает, что изучение народной жизни за последние десятилетия продвинулось далеко вперед, и «жизнь поставила вопрос о расколе». Он считает, что раскол можно рассматривать только в совокупности экономических и юридических условий его существования, как часть общего развития народной истории и культуры. Во всех упомянутых работах автора не устраивает характеристика раскола как социального протеста и реформаторства. Харламов считает, что это не корректный подход к явлению. Создание своего рода мифа о раскольниках, по его мнению, было вызвано желанием церкви вовлечь государство в борьбу со старообрядцами. В доказательство автор приводит отрывок из отчета Филарета «Пол-

ная записка о страннической секте», где указывается на необходимость уничтожения неугодного течения, хотя толком и не разъясняется, в чем состоит его вред.

Вместе с тем критике подвергается как теория Щапова, так и ее позднейшая интерпретации. Обращение к идее раскола Харламов считает второстепенным по отношению к главному моменту – исследованию института земства, который был связан с утверждением областной самостоятельности и экономического равенства. Уничтожение земства, раскалывание его на касты привело к народной оппозиции против реформ Петра. Утверждая значение знания о народном умонастроении на сегодняшний день, Харламов замечает, что «идеализация, иллюзии тут вредны, даже больше, – просто безнравственны. Из этих иллюзий делаются практические выводы, ставятся на основании их практические цели». В выводе Харламов перекликается с рассуждениями Костомарова. Причину раскола он видит «в развитии народно-религиозной мысли». Реформа Никона – повод, но не причина его появления. Харламов утверждает мысль о политической индифферентности раскола и считает, что раскол, сосредоточивая внимание на чисто религиозных спорах, отвлекал народ от мятежа.

Журналист кратко разбирает учение об Антихристе, так как справедливо считает, что оно являет собой «душу живую» раскола. Условия появления учения, по его мнению, экономические и политические, содержание – «суверенно-религиозное» и «мистико-апокалиптическое». Это не знамя для гражданской борьбы, а философия отчаяния, это признание победы над массами централистическо-деспотического государства. Цели доктрины – спасение души, искание «тесного пути в Царство Небесное» и мученического венца, но никак не устройство лучшего общественного строя, не облегчение жизни в здешнем мире, не «воздвижение» какого-то оплота против государства, не создание самобытной цивилизации, характеризующейся отрицанием государственных начал. Бунт в расколе – прежде всего религиозный, и общей идее бегства раскол придал только свою форму. «Подготовка к лучшей загробной жизни, нравственное самоусовершенствование личности – вот до чего дошел раскол и ни до чего больше не мог добраться», – решительно делал заключение Харламов.

Мамин-Сибиряк часто перекликался с Харламовым в своих произведениях, заимствовал у критика факты о старообрядческих настроениях, но образный строй его прозы включал в себя целый хор оценок, отражая противоречивые размышления времени. Художественная интуиция писателя оказалась проницательней как одиозно-церковных, так и конъюнктурно-политических трактовок религиозной оппозиции.

Об особом интересе к теме старообрядчества, характерном для творческой интеллигенции в последние десятилетия девятнадцатого века свидетельствует попытка В. Перова, уже известного к тому времени художника, написать картину «Никита Пустосвят. Спор о вере» (1880–1881). На ней изображен момент из истории движения староверов, когда в открытом споре противостояли друг другу религиозные противники. Художника в образе Пустосвята привлекает фанатичная вера в идею, готовность идти до конца, даже если это грозит смертью.

Гениальным взлетом руки боярыни Морозовой ознаменовал общий интерес к русскому характеру В. Суриков. Картина, законченная художником к 1887 году, демонстрировала неукротимость русского национального

духа, а невероятные глаза боярыни Морозовой – своего рода старообрядческой богородицы (ее сын был замучен властями) – говорили о невозможности компромисса, о трагедии раскола в русском обществе. Исследователи творчества художника связывают взгляд Сурикова на историю с концепцией А. П. Щапова (см., например: Кеменов, 1965, 47). Не менее драматичным было восприятие художником образа русской женщины как символа противостояния несправедному государству. Вместо женщины – носительницы жизни, продолжательницы рода человеческого – взору зрителя предстает бестелесная аскетическая фигура, скованная цепями и одетая во все черное как воплощение не сломленного, но такого апокалиптического народного духа. Интерес художника определялся ощущением тех особенностей русского характера, которые притягивали и одновременно пугали Сурикова, изображавшего «не историю, а трагедию русского народа» (см. об этом: Алленов, 1998, 68).

Картина вызвала многочисленные выступления в печати, и мнения авторов разделились. В традиционных официально-православных выступлениях настойчиво отвергалась историческая значимость личности Федосьи Морозовой, а в староверии виделось только проявление неграмотности и неразвитости народа. В рецензиях светских критиков мнения разделились. В одних выступлениях картина Сурикова объявлялась художественным провалом уже известного живописца, в других – превозносилась как шедевр русского искусства⁵. В «сухом остатке» вопрос стоял о природе русского фанатизма, его истоках и выборе русским народом исторической судьбы. В этом контексте образ боярыни Морозовой обобщался до мифологемы и становился художественным сгустком проблем. Именно так воспринял ее изображение писатель В. М. Гаршин: «Дайте Морозовой власть, – писал он – и вы увидите все последствия восточного фанатизма в мятежах и казнях». В его чутком воображении боярыня воплощала собой «призрак средневекового фанатизма с пугающей душой жестокостью» (см.: Северный вестник, 1888). М. Г. Гребенщиков в мартовском номере «Сына отечества» (1887) писал о Морозовой, что «такие лица могут действовать на людей и увлекать людей на виселицы и костры».

Ведущий законодатель художественной критики того времени В. Стасов, не отвергая идеи средневекового консерватизма, уловил и важный для художника момент – обрисовку женского русского характера, возникающего в совокупности художественных образов картины. У Морозовой Стасов отметил «несокрушимость женского ума и сердца» (цит. по: Кеменов, 1987, 386). Ему вторил в «Историческом вестнике» П. Н. Полевой. Он рассматривал Морозову как «представительницу» той Древней Руси, которую «пришлось сломать после долгой борьбы Великому Преобразователю». Обобщая, Полевой отметил, что боярыня – «типично русская женщина, спокойно и глубоко преданная вере отцов». «Они умеют молча страдать и молча умирать с величайшим спокойствием», – писал он далее, демонстрируя не столько знание женской природы, сколько несколько абстрактное представление о национальной женской добродетели (Там же, 399–400).

В этом контексте закономерно внимание к фигуре опальной боярыни участников движения революционного народничества, видевших в образе

---

⁵Отзывы в печати 1887 года о выставке передвижников и картине Сурикова подробно приведены в монографии В. С. Кеменова (1987).

староверки прототип всех бесстрашных женщин современности. После террористических покушений и убийства Александра II членами организации «Народная воля» это не было праздным вопросом. Вера Фигнер, познакомившись в ссылке с картиной по ее гравюрному изображению, писала, что именно ее поразило в раскольнице: «...решимость идти до конца. Гравюра говорит о борьбе за убеждения, о гонении и гибели стойких, верных себе». Образ боярыни Морозовой вызывает у нее ассоциации с личностью Софьи Перовской, а телега, на которой Федосья Морозова отправляется в ссылку, с «колесницей цареубийц» (см. об этом: Фигнер, 1928, 252–253). Мнение известной революционерки выражает одну из граней понимания староверия в 80-х годах XIX века. И сколь бы крайним оно ни казалось, такое восприятие объективно вытекало из истории отношения к данному религиозному движению в русской общественной мысли.

Однако художественное содержание талантливого произведения искусства сопротивляется подобной прямолинейной трактовке, что почувствовал через полстолетия писатель и композитор Борис Асафьев. Он писал, что живописец «четко и сильно показал острое трагическое противоречие между буйной красочной цветистостью народного характера, видимого их облика и гибельным расточением этих творческих сил в жестком становлении русской былой государственности». По мнению человека, пережившего трагедии XX столетия, Суриков картиной своей хотел ответить на главный вопрос, который «грыз» его сердце и мозг: «неужели русская история состоит в безумном и страшном уничтожении и расточении этих прекрасных характеров, воль, “соков земли”» (см.: Асафьев, 1966, 181–182).

Картина Сурикова и тот повышенный интерес, который к ней проявила зрительская аудитория, свидетельствовали об актуальности темы, соединявшей в тугой узел множество вопросов, как-то: свобода совести и русский характер, женский вопрос и исторический прогресс, драма фанатизма и роль художника в истории. Обращение Д. Н. Мамина в 1887 году к созданию романа «Три конца», где старообрядческая тема составляла важную часть замысла, вполне соответствовала духовным исканиям времени.

Староверие в круге обязанностей священника Наркиса Мамина

Говоря о понимании Д. Н. Маминым темы старообрядчества, необходимо помнить, что в родовой памяти писателя отложились впечатления и рассказы предков, которые как по отцовской, так и по материнской линии принадлежали к белому духовенству (см. об этом: Дергачев, 1974, 133–138). Белое духовенство в отличие от монашеского сословия постоянно жило в соприкосновении с многочисленным и разносословными группами населения, и поэтому вникать в чужие беды, помогать в разрешении различных проблем было не только каждодневной обязанностью священника, но и душевным порывом⁶.

⁶ И. А. Дергачев талантливо воспроизвел характеры родителей Д. Н. Мамина, их взаимоотношения, а также ту доверительность, которая была свойственна священнику и его жене при работе с приходом (см.: Дергачев, 1977).

Наркис Мамин, отец писателя, был хорошим священником, чутким, отзывчивым, в меру демократичным. Он не настаивал на продолжении карьеры священнослужителей для сыновей и спокойно относился к стремлению Дмитрия стать естествоиспытателем. Но его отношение к староверам базировалось в первую очередь на тех представлениях, которые он вынес из семинарии. В архивных документах сохранилось это мнение священника. Не видя в учении староверов ничего, что приводило бы их к безнравственным поступкам, Наркис Мамин считает, что подпольное скитское жительство свойственно личностям «сомнительной нравственности», проживание их в домах раскольников «часто ведут к ослаблению добрых семейных и общественных обязанностей» (ОМПУ, ф. 1, оп. 1, № 6411).

Будучи по духу просветителем, отец писателя искренне верил, что только склонность к старообрядчеству «задерживает развитие грамотности в народе, а через это – распространение правильных понятий о нравах семьянина и гражданина» (Там же, л. 1). Это при всем при том, что как раз старообрядческая часть населения была наиболее грамотной, имела свою сеть домашних школ и, конечно, собственное представление о гражданственности. Обладая Наркис Мамин вполне адекватным представлением о разветвлениях старообрядческого движения. Просвещенная натура священника не позволяла ему видеть в староверах врагов рода человеческого, уберегала от бессмысленных преследований и помогала ценить человеческое достоинство конкретных людей.

Известно, что Мамин, когда был студентом, просил отца прислать целый ряд сведений о староверах. Через руки отца, считает Мамин-Сибиряк, проходит «жизнь в скитах, сводные браки, взгляды на семейную и общественную жизнь со стороны раскольников, их предания, суеверия, приметы, заговоры, стихи, правила и т. п.». В этом списке поражает уверенность писателя, что его отец, священник господствующей церкви, осведомлен о глубокой внутренней жизни людей, для которых издавна правящая церковь была врагом номер один. Священнослужитель оказывается причастным не только к официальным сведениям, которые, кстати, вменялись ему в служебные обязанности (число и динамика староверов, семейные связи с представителями других конфессий), но и к глубоким духовным исканиям раскольников, их фольклору и потаенной скитской жизни. Очутившись в Висиме, Н. Мамин старательно выполняет миссионерские задачи возвращения старообрядцев в лоно Русской православной церкви. В его архиве сохранились черновики отчетов, которые он отправлял в епархию.

В отчете 1863 года указывается, что общее количество прихожан Висимо-Шайтанского завода составляет 1790 душ (855 мужчин, 935 женщин), тогда как число раскольников равняется 439 душ (185 мужчин, 254 женщин) (ОМПУ, ф. Мамина-Сибиряка, № 6402, л. 1об.). Цифры по Висимо-Шайтанскому приходу показывают качественное изменение соотношения православных и раскольников. В 1839 году при основании прихода насчитывалось православных 772 души обоего пола и раскольников 1210 душ. В 1868 году (через 30 лет) православных 1565 душ, раскольников 344. При описании состава населения завода и близлежащих деревень Наркисом Маминым приводится общая цифра православных душ – 1731; кроме того, раскольников – 310 человек, т. е. число раскольников по отношению к общему числу прихожан составляло чуть более пятой части (см. об этом: Там же, № 6413, л. 2об.).

Священнику по долгу службы необходимо было давать сведения, которые иначе как полицейскими не назовешь. Обязательной была графа об обращении беглопоповцев и беспоповцев в лоно православия. При предоставлении общих сведений о состоянии раскола необходимо было указывать по именам всех совратившихся в раскол, приводить сведения о раскольничьих скитах с обозначением «мужской» или «женский», с «показанием числа скитствующих и указания расстояния, на котором скит находится от церкви». Обязательно перечислялись молельни, куда собираются кержаки для общественного богослужения, «с показанием местности и дома, где таковыя находятся». Подробно надо было оговаривать число вновь присоединившихся к расколу или, напротив, покинувших его. Эта своеобразная «памятка» для миссионера в бумагах Наркиса Мамина сопровождается его комментариями, создающими как бы психологическое оправдание для просвещенного священника, которому подобное полицейское донositельство вряд ли было по душе. Наркис Матвеевич настаивает, что влияние на православных старообрядческого населения несущественно «по малочисленности», хотя последние «иногда увлекают в свои заблуждения лиц женского пола, разстраивая семейныя супружеския отношения», поддерживается раскол «странствующими лжеиноками и невежеством торгующего и купеческаго сословия» (см.: Там же, № 6415, л. 9об.).

Мысль о невежестве как основной причине воздействия раскола вполне традиционна, но священнослужитель не может абсолютно отрицать влияние раскола хотя бы по отношению к вновь присоединившимся. В примечании к ведомости он пишет: «Раскольники – родители и родственники – имеют такое сильное влияние на присоединившихся к православию, что отвлекают нас от исполнения христианских обязанностей, не принимают к себе в дома священнослужителей во время хождения с животворящим крестом в праздник Пасхи и Рождества Христова. Безграмотность народа также поддерживает раскол» (ОМПУ, ф. Д. Н. Мамина-Сибиряка, № 6415. Л. 3–4 об.). Его деятельность по привлечению староверов к государственному православию была на удивление малорезультативной, принимая во внимание высокий авторитет священника (Там же, л. 1)⁷.

Священник проводит своего рода мини-опрос по поводу суеверий и предрассудков у местного населения и приходит к выводу, что в здешнем заводе верят в существование домовых, уроки, килы и наговоры старух, но «большого физического и нравственного вреда доходящего до преступления не бывает». «И надобно сказать, что суеверия более распространены между раскольниками, чем между православными. Испытал несколько человек по поводу уроков, и от девочки староверки получил ответ что “у нас Степан часто урочится, т. е. получает болезни от сглаза”» (Там же, № 6415, л. 2).

Наркис Мамин не просто добросовестно и с усердием выполнял свои обязанности, но талантливо занимался народным просвещением начиная с самого первого места своего служения. Священник по-человечески озабочен судьбой детей прихожан, очень много сил отдает образовательным программам. Будучи учителем местной школы, Наркис Мамин заботится буквально обо

⁷ В рапорте о благосостоянии Висимо-Шайтанского прихода читаем: «О благочестии Висимо-Шайтанского прихода в 1850 году имеем честь донести следующее: из раскола присоединено к православию – женск. 2; единоверию – муж. 2, жен. 6. Обряд присоединения над вернувшимися в православие совершен в Висимо-Шайтанской церкви, где идет венчание».

всем: он списывает для себя простой способ изготовления аспидной доски, используя бумагу и черные чернила; составляет список книг, обязательных для чтения; организует библиотеку. Вознаграждением подобной активной деятельности является небольшая фраза из отчета, где он сам отмечает: «Общественное доверие к училищу увеличивается, так что число учащихся увеличивается с каждым годом, несмотря на сборы 92-х православных семейств переселиться в уфимскую губернию и уже начавшееся переселение, обещаются добрые последствия, особенное доверие к училищу оказывают лица, придерживающиеся *раскола* (курсив наш. – Л.С.), дети коих в числе учащихся ныне мальчиков и девочек» (Там же, № 6408, л. 1)⁸.

Таким образом, взгляды отца писателя были в меру либеральными, но не выходили за рамки традиционно православных в духе филаретовских размышлений о политической индифферентности староверия. Но Наркис Матвеевич не схематизировал взаимоотношения с конкретными людьми, и это благотворно сказалось на взглядах Мамина-Сибиряка.

Интерес Дмитрия Мамина к кержакам вызывал удивление у сверстников. Об этом вспоминает сестра его близкого друга детства – Кости Челышева: «Почему-то тогда его больше интересовали раскольники (кержаки). С братом они ни одного года не пропускали, чтобы не увязаться на “моление” в Билимбай на могилы раскольников» (Елпишин, 1936, 43).

Теплота отношений писателя со староверами, о которой свидетельствует сестра Д. Н. Мамина-Сибиряка, была обусловлена широтой натуры отца: «Брат часто бывал в раскольничьих скитах, знакомился с влиятельными старцами и начетчиками. Помогала ему исключительная популярность отца среди старообрядцев. Отец, хотя и был священником, отличался незаурядной терпимостью. В его отношениях со старообрядцами не было ничего задирающего, ничего восстанавливающего миролюбивых соседей. С представителями ближайших скитов он установил самые добрососедские отношения». Почетной гостьей в доме писателя была влиятельная начетчица из близкого скита Матрена Афанасьевна Попова, и «отец, добродушно подтрунивая, часто называл ее “отец Матрентий”» (Урал, сб. памяти Мамина-Сибиряка, 75–76). Для Наркиса Мамина исполнение женщиной церковного обряда свидетельствует о непонимании староверами основ догматики православия, отсюда его добродушно ироническое изменение пола наставницы в разговоре. Именно эта незаурядная женщина стала прототипом многих образов авторитетных раскольников в рассказах и романах писателя.

Познания писателя о мире староверия получили отражение в составе его личной библиотеки и системе писательских помет на книгах.

Книги о старообрядчестве в библиотеке Д. Н. Мамина-Сибиряка

Знакомство писателя со старообрядчеством происходило разными путями. Важнейшим из них было серьезное изучение явления в научной и

---

⁸ Д. Мамин-Сибиряк присутствует при составлении отцовских отчетов. На этой ведомости находится его самый ранний автограф, написанный детской рукой большими печатными буквами: «ДИМИТРИЙ МАМИН» (ОМПУ, ф. Мамина-Сибиряка. № 6408, л. 6).

полемической литературе. В частично сохранившейся библиотеке писателя находятся серьезные исторические исследования, среди которых немало книг, посвященных старообрядчеству⁹. В исследованиях творчества Мамина-Сибиряка обычно говорится о наличии среди книг писателя работ Щапова и сочинения Палладыя о пермском расколе (см.: Палладыя, 1863)¹⁰. Знакомство с библиотекой писателя свидетельствует о самом серьезном интересе его к этой теме на протяжении всей жизни: в его собрании находится порядка двух десятков книг, так или иначе связанных с историей и современным писателю бытованием старообрядчества.

Начало этому интересу возникло еще в семье и было обусловлено как служебными обязанностями Наркиса Мамина, так и старообрядческими традициями в производственной, духовной и бытовой сферах висимской жизни.

Описание и анализ состава всей библиотеки – дело будущего, но даже на первый взгляд видно, что книги читались активно и творчески¹¹. Они буквально испещрены различными пометами на полях, в тексте подчеркнуты целые абзацы и отдельные слова. Среди помет перу Мамина-Сибиряка безусловно принадлежит характерная *NB (nota bene* – «заметь хорошо»), выполненная чернилами или карандашом изящным почерком девятнадцатого века, встречающаяся на многих книгах различных годов издания, хранившихся как в Екатеринбурге, так и в столице¹². Встречаются в книгах рукописные текстовые комментарии и указатели к содержанию, также говорящие о доминанте интересов уральского писателя.

В первую очередь интересны книги, которые скорее всего были в семейной библиотеке писателя еще во времена интереса к ним Наркиса Мамина¹³. К таковым можно отнести исследование А. Щапова «Русский раскол старообрядства» [20]¹⁴. На некоторых страницах находятся типично старообрядческие пометы «зри» (изображение руки с вытянутым указа-

⁹ Судьбы книг из библиотеки писателя были различны. Одни из них им были переданы в библиотеку УОЛЕ, а после ликвидации этой научной краеведческой организации в 1929 году, судя по штемпелям, попали сначала в библиотеку Свердловского областного исторического, а потом литературного музея. Другие были увезены писателем в столицу или приобретались им во время жизни там и были переданы в музей в 60-х годах племянником писателя Б. Д. Удинцевым, унаследовавшим его архив и библиотеку. При составлении сборника воспоминаний о писателе в 1936 году М. М. Ивановой, библиотекарем Свердловского областного музея, была составлена охранный опись имеющейся к тому моменту личной библиотеки Мамина-Сибиряка (см.: Воспоминания о Мамине-Сибиряке, 209–213). Часть книг, из указанных в описи к настоящему моменту утрачена.

¹⁰ Этот экземпляр, упомянутый еще в краткой описи 1936 года, в настоящее время утрачен (см.: Иванова, 1936).

¹¹ «Библиотека писателя – это словно продолжение его собственного творчества и комментариев к нему... это тоже часть его сердца и души». Эти слова, сказанные по поводу библиотеки К. Паустовского, верны по отношению к библиотеке любого писателя (см.: Смолич, 1975, 10).

¹² На необходимость изучения книжных помет обратил внимание С. П. Луппов. (?), 11–24). Насколько это может быть существенным, показывает изучение помет на книгах из библиотеки Жуковского, Бегичева, А. Н. Островского и др. (см.: Глаголева, 1983, 217–226).

¹³ Среди помет в книге А. П. Щапова встречаются такие, которые можно предположительно отнести к руке Наркиса Мамина. Они касаются вопросов служебного характера: *служение без священства*. Отмечены моменты зависимости священника от прихожан и его притеснения со стороны архиерейских чиновников.

¹⁴ В приложении к статье дается описание книг старообрядческой тематики из библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка. Здесь и далее в квадратных скобках приводятся номера в соответствии с описанием из приложения.

тельным пальцем), позволяющие предположить, что экземпляр мог читаться старообрядцами¹⁵. Этой пометой, выделено замечание, о предназначении работы Щапова не только для специалистов, «а больше для неученой публики». Помимо этого издания, в библиотеке писателя присутствуют тома из собрания сочинений А. Щапова (см.: [21], [22]). Кроме классического труда о русском расколе старообрядства, в 1-м томе, напечатаны заговоры и апокрифы, извлеченные из старообрядческих рукописей. Изложение апокрифических текстов писатель часто вставляет в речи персонажей-староверов.

Из общеисторических сочинений в библиотеке писателя было сочинение С. Соловьева, в тринадцатом томе которого приведены обширные сведения об Аввакуме. Этот факт указан в записи на обложке, в самой главе о протопопе есть многочисленные пометы (см.: [14]).

Старообрядческие пометы в виде «указующего перста» встречаются на нескольких страницах книги Г. Есипова о судебных делах раскольников XVII века. Помимо беллетризованного пересказа судебных дел, автор публикует целый ряд памятников старообрядческой письменности. Одним из них – сочинение И. Алексеева «История о бегствующем священстве» (у Есипова напечатана как анонимная рукопись XVII века) – подвергался внимательному изучению. Кроме писательских помет, в книге присутствуют типичные указания староверов. Можно предположить, что ряд книг, бывших в библиотеке Наркиса Мамина, были доступны старообрядцам Висима (см., например: [4]).

В библиотеке писателя собраны под одним переплетом несколько журнальных публикаций. Первой идет работа В. В. Андреева, в которой пометами выделена идея о политической лояльности раскола и значении староверов для открытия руды на Урале. Отчеркивается мысль об особой грамотности раскольников, фиксируются различия в устройстве церковной жизни у никониан и старообрядцев (пятиглавые церкви в послениконовский период) и практика перекрещивания священников у беспоповцев (см.: [1]). В этом же блоке приплетены статья Н. Я. Аристова [2] и работа о людях «древлего благочестия» Н. Лескова [6]. Во всех книгах о старообрядчестве чувствуется писательская работа над словом. В приложении к статье Лесков издает отрывок из апокрифических «Страстей Христовых», в которых встречаются многочисленные подчеркивания слов и выражений, характерных для старообрядческой риторики.

В серьезной аналитической работе П. Мельникова «Исторические очерки поповщины» [8] Д. Н. Мамина привлекают сведения об уральской истории старообрядчества, легенды о Беловодье и Китеж-граде, послание Ионы Курносого, описание пребывания староверов на Кавказе. Интересным кажется писателю рассказ Мельникова о поиске старообрядцами архиереев в XVIII веке и замечание, что староверы обычно плохие земледельцы, а их удел – торговля и промышленная деятельность. Как и в других книгах, здесь отмечены необычные и образные слова и выражения из оригинальных старообрядческих сочинений.

Помимо исследовательских работ, в библиотеке писателя находилось сочинение московского митрополита Филарета увещательного-проповед-

---

¹⁵ Из воспоминания сестры писателя Е. Н. Удинцевой мы знаем о контактах семьи Наркиса Мамина с висимскими старообрядцами, которые бывали в их доме (см.: Урал, сб. памяти Мамина-Сибиряка, 59).

нического характера, написанное, как утверждал автор, «в духе миролюбия» (см.: [17]). Характерно, что церковный проповедник отказывается трактовать староверие как ересь (см.: Карташев, 1992, 182). Весьма вероятно, что это издание, предназначенное для православных священников, пришло из библиотеки Наркиса Мамина.

В библиотеке писателя была работа библиографического плана. Это справочное издание по истории и современному состоянию старообрядчества А. С. Пругавина (см.: [13]), которого с Д. Н. Маминым связывали общие интересы¹⁶. Издание Пругавина очень информативно для раскрытия источников произведений писателя. Там не только перечислены вышедшие работы о различных сторонах истории, этнографии, культуры староверов, но и даны краткие извлечения из публикаций, а также рецензии на них. Таким образом, Пругавин преследует еще и полемические цели. Не случайно в издании находятся многочисленные пометы Д. Н. Мамина. Так, например, писателя волнует мысль о лояльности или революционности раскола. Выделены писателем статьи, посвященные уральским старообрядцам. Заботит Д. Н. Мамина вопрос о художественном воплощении старообрядческого мира в литературе. Он отмечает рецензии на произведения П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «В горах» (так у Пругавина), где высказывается мнение, что при описании Мельниковым быта староверов «мрачные стороны его нарисованы автором слишком густыми красками».

Большое внимание писатель уделял историческому сочинению Н. Костомарова, о значении работ которого для русской общественной мысли мы уже говорили. В оглавлении отмечена глава о Никоне, и по всей главе идут пометы. На обороте переплета сохранилась запись Б. Удинцева (племянник писателя и хранитель библиотеки в Москве), где говорится, что Д. Мамина глубоко возмущали преследования старообрядцев (см. об этом: [5]).

Интерес к старообрядчеству сохранялся у писателя всю жизнь. В книжном собрании находится сборник, выпущенный в Н. Новгороде сыном Мельникова-Печерского (1910). В сборнике впервые был опубликован официальный отчет нижегородского писателя за 1874 г., когда он служил государственным чиновником. В анализе состояния старообрядчества в нижегородской губернии Мельников подробно останавливается на понятиях нравственности, особой религиозности и политических взглядах староверов, приводит рукописные легенды о картофеле, табаке, чае (см.: [15]).

Свидетельством общего признания авторитета Мамина-Сибиряка в области старообрядчества и сектантства является работа Барадаевской-Ясевич о сектантстве в Екатеринославской губернии с дарственной надписью (см.: [3]).

Писатель обращается к уральскому материалу. В его библиотеке присутствуют оба «Пермских сборника», в первом томе которого (1859) опубликованы духовные стихи староверов («О Шарташских людях старой веры...»), записанные А. Н. Зыряновым (см.: [10], [11]). При подготовке очерка о городе Екатеринбурге (см. об этом подробнее: Соболева, 1998,

---

¹⁶ Известно, что А. С. Пругавин, будучи секретарем Общества любителей российской словесности, в 1880-х годах собирал автобиографии писателей, которые так и не были опубликованы, но Д. Н. Мамин-Сибиряк написал для него свою биографию.

225–230) писатель, судя по пометам, активно обращался к работе Н. И. Чупина о полутора столетии Екатеринбурга, где особо выделяется мысль о роли староверов в становлении Урала. Подборка сочинений Чупина опубликована в сборнике статей из Пермских губернских ведомостей (1882) [16]. Числилась в библиотеке утраченная сейчас известная работа Палладия о пермском расколе (1863) [9] и Пермская летопись В. Шишонки. Последняя интересна еще и автографом исследователя, в котором он называет себя «чернорабочим», говорит о способности писателя придать «материалу» «стройный вид» [19].

Сохранилось в составе библиотеки сочинение виднейшего старообрядческого писателя И. Филиппова о центре поморского согласия Выговской пустыни (см.: [18]). Интересно, что особо выделен материал, относящийся к виднейшему старообрядческому писателю и лидеру староверия на Урале в XVIII веке Гавриле Семенове Украинцеве и его семье (в частности, о привозе им колокола на Выг в качестве подарка от заводчика Демидова). Среди книг выделяется глубокая и оригинальная работа С. Максимова о юродивых, где приводятся тексты духовных старообрядческих стихов и описываются быт и нравы нищенствующих общин (см.: [7]).

В течение ряда лет (1881–1882, 1885–1886) писатель пользовался фондами библиотеки Румянцевского музея, где хранились собрания старинных книг и рукописей¹⁷, имел возможность обращаться к оригиналам старообрядческих сочинений и их изданиям.

В творческой биографии писателя старообрядчество затрагивается в различных жанрах, а взгляд на староверие претерпевает определенную эволюцию. Тем важнее сведения о круге идей времени, обыденных семейных представлений, конкретных фактах истории староверия и особенностей духовной культуры старообрядцев, почерпнутые писателем из научной и краеведческой литературы. В приложении к статье приводится описание части библиотеки писателя с указанием помет на книгах, относящихся к вышеизложенной тематике.

Приложение

Книги из библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка по старообрядческой тематике

Описание служебных отметок:

1. Штамп прямоугольной формы с надписью: «Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге. Получ. ... года. Входящий №...» (далее – штамп УОЛЕ).

2. Штамп прямоугольной формы с надписью: «Научно-краеведческая библиотека Свердловского облмузея. Рег. №. Инв. № ...» (далее – штамп СОМ №).

3. Штамп овальной формы с надписью: «Свердл. обл. литерат. музей М. Сибиряка. Инв. №... Библиотека» (далее – штамп СОЛМ №).

---

¹⁷ Д. Н. Мамин-Сибиряк собирал древние рукописи и передал их затем в музей УОЛЕ (Уральского общества любителей естествознания). Воспоминания об этом уральского краеведа Л. Хандроса хранятся в ОМПУ (фонд Мамина-Сибиряка).

4. Штамп прямоугольной формы с надписью «Свердловский литературный музей Д. Н. Мамина-Сибиряка. Инв. №» (далее – штамп СЛМ №).

5. Инвентарные номера, выполненные разными чернилами (далее – инв. №).

Экслибрис: Штемпель с именем писателя: Дмитрий Наркисовичь Маминь.

Информация о страницах заключается в скобки. В случае, когда на одной странице расположены многочисленные служебные отметки, эта страница указывается перед их перечислением, а остальные в скобках после.

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
1	<p><i>Андреев В.В. Исторические судьбы раскола // Всемирный труд. 1870. 3. Вып. 1–4.</i> <i>Статья переплетена в один том с работами Аристова (№ 2) и Лескова (№ 6)</i></p>	<p><i>Служебные отметки:</i> 1. Штамп УОЛЕ (с. 1, 181); 2. Штамп СОМ(с.1); 3. Штамп СОЛМ № 25 (с.1, 17, 181); 4. Инв. № 16389 (черные чернила), 36937 (синие чернила). <i>Автографы:</i> «Д. Мамин» (переплетный л.) <i>Читательские пометы:</i> На полях несколько типов NB. Красным карандашом отмечаются сведения о значении староверов на Урале в деле открытия руды (с.18), о политической лояльности раскола (с.19). Отмечается крестом мысль, что даже в отношениях с Наполеоном речь шла не об измене, а только о предусмотрительности староверов. Выделяются сведения о Никоне и Аввакуме в детстве (с. 40). Правка уточняющего характера о царствовании Антихриста: «два» исправлено на «три» года (с. 57). Отмечены объяснения подлинного смысла стояния за старину, заметки о рукописных книгах и грамотности раскольников (с. 60). Отмечен факт строительства пятиглавых церквей по сравнению с одноглавыми до Никона (с. 62–63). NB выделена мысль, что раскольники всегда говорят «попы», а не «священники» (с. 65). Отмечено, что дьячки, которые были грамотными, но не могли стать священниками, ушли в раскол (с. 79), о перекрещивании священников у поповцев (с. 96–97). Карандашом приписана «тарабарская» азбука на поле рядом с текстом об ее использовании староверами (с.105). NB к названию «Спасово» согласие, NB к рассказу об огненном крещении староверов в связи с суевериями народа. Отмечены сведения о поповцах на Рогожском кладбище, в Стародубье и Екатеринбурге (с.147, 150, 152). Выделена информация о сектах самосправщиков (с.154), дырников (с.164), скопцов (с. 173)</p>
2	<p><i>Аристов Н. Я. Устройство раскольничьих об-</i></p>	<p><i>Читательские пометы:</i> На полях – о подарках староверов Петру I (с.19), о росте числа раскольников (с. 31).</p>

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
	щин // Библиотека для чтения. 1863. № 7. С. 1–32	
3	<i>Барадаевская-Ясевич В.</i> Очерки из истории сектантских движений в Екатеринбургской губернии (Отд. оттиск из “Нового слова”, 1887)	<i>Автографы:</i> «Дорогому Дмитрию Наркисовичу Мамину на добрую память от автора. 22. 1. 1897» (с. 1)
4	<i>Есипов Г.</i> Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. В 2 т. СПб., 1861–1863. (Т.2. – 274 с.) Титульный лист отсутствует	<i>Реставрация:</i> На картонной обложке рукописный заголовок: “Есипова. Раскольники”. <i>Служебные отметки:</i> 1. Штамп СОЛМ № 1275 (с.3, 274); Штамп СОЛМ № 946 (зачеркнуто), 21 (с.3, 15), запись от руки: «б-ка музея М-Сибиряка № 24» (с. 3); Инв. № 946, 57989, 21, 1275 (с.17) <i>Экслибрисы:</i> «Д. Н. Мамин», «А. Анфиногенов» (с.3). <i>Автографы:</i> роспись Н. С. Смородинцева (с. 3). «1906 ноября 2-й день» и роспись Н. Смородинцева (с. 57). <i>Читательские пометы:</i> «Указующий перст» (с. 222, 266, 267). К заголовку главы «Донос» приписана дата: 1890. Отметка на поле к легенде о подмененном царе Петре I (с. 41), народно-поэтическая молитва за царя (с. 193), о раскольниках Н. Новгорода (с. 276). Карандашом на полях отмечены особые яркие или необычные слова и выражения: <i>черная епанча</i> (с. 240), <i>пустопопы</i> , <i>прелести</i> , <i>небрещи</i> , <i>тщание</i> (с. 241), <i>пронырство</i> , <i>неудобь</i> (с.242), <i>самочини</i> , <i>братосоюзную</i> , <i>главизну</i> , <i>забобон</i> (с.244).
5	<i>Костомаров Н.</i> Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. 4-е изд. СПб., 1895.	<i>Служебные отметки:</i> Инв. № 224 (с.1), шифр: 9(47) К 72. <i>Автографы:</i> На листе переплета запись почерком Б. Д. Удинцева: «Эта книга из личной библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка. Он очень ценил ее и в беседах со мной неоднократно ссылался на статью Костомарова о Никоне. Д. Н. Мамина глубоко возмущали преследования старообрядцев (особенно казнь сожжения в срубе, см. с. 217–218)» <i>Читательские пометы:</i> В оглавлении выделена зеленым карандашом глава о Никоне, в которой пометы синим карандашом и “птички” на полях.

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
6	<p>[Лесков Н. С.] С людьми древлего благочестия: (Письмо к редактору Б. для Ч. М. Стебницкого) // Библиотека для чтения. 1863. № 11; 1864. № 9. СПб., 1863–1864. Отд. отт.</p> <p><i>Статья переплетена в одном вместе с работой Андреева (№ 1) и Аристова (№ 2).</i></p>	<p><i>Служебные отметки:</i> 1. Штaмп УОЛЕ (с. 25); Штaмп СОЛМ № 1283; 3. Штaмп СЛМ № 25; 4. Инв. № 36937 (с. 64).</p> <p><i>Читательские пометы:</i> отмечены характерные выражения: <i>попы краденые</i> (с.16), традиция перехода в девство (с.19). <i>NB</i> – о страданиях Богоматери из «Страстей Христовых» (с. 38). В книге приведены отрывки из старообрядческого сочинения «Страсти Христовы». Отмечены ряд выражений: <i>поражу пастыри и розыдутся овцы, помози моему окянству, обрезание сердца, речию гугнив, червь неусыпающий</i> (с. 38, 45, 51, 52, 56)</p>
7	<p>Максимов С. В. Бродячая Русь, Христа-ради. СПб., 1877.</p>	<p><i>Реставрация:</i> Картонный переплет, корешок – черный коленкор.</p> <p><i>Служебные отметки:</i> 1. «Инв. № 29»; 2. «Мамин-б-ка» (почерк Б. Удинцева) – на мягкой обложке.</p> <p><i>Экслибрисы:</i> «Герасимъ Вонифатьевич Бусловъ», печать оттиснута на мягкой обложке.</p>
8	<p>Мельников П. И. Исторические очерки поповщины. Ч.1. М., 1864.</p>	<p><i>Служебные отметки:</i> 1. «М № 14»; 2. «Библиотека и книжная торговля Н. В. Пироговского въ Екатеринбургѣ» (титальный лист); 2. Инв. № 911; 3. Шифры: «9 (47) М 48» (с. 1).</p> <p><i>Экслибрисы:</i> «Д. Н. Мамин» (с. 1)</p> <p><i>Читательские пометы:</i> <i>NB</i> об обрядовой сущности старообрядчества и поповщины (с. 3). По книге идут отметки красным и синим карандашом, выделяющие из сочинений староверов наиболее характерные слова и выражения типа: <i>латинскую ересь прिया и римского папезу любезно прилепись, литургию богоотметную, хриstopодражательные люди</i> (с. 9); <i>чтобы с Никоном – отступником зловерию последовать и впадше в смрадную яму еретичества</i> (с.11). Отмечена дата 1654 – год морового поветрия и издания Никоном служебника (с. 21), отмечено символическое число 666 и сведения о церковном соборе в 1666 г. (с. 22). Синим карандашом выделяются факты роли старообрядчества в уральской истории (с. 27), а также письменные и устные источники: послания Ионы Курносого, рукописная</p>

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
		легенда о Беловодье. (с. 46). Приведена тарабарская азбука с заменой букв и пример языка (с. 116). Много помет на главе о поисках архиереев в XVIII в., выделена мысль, что староверы всегда были плохими землепашцами, и их удел – прежде всего промышленная и торговая деятельность (с. 255). NB иного характера на с. 259, 262, 274–275 – упоминания об уральских архиереях, о рукоположении.
9	<i>Палладий</i> . Обозрение Пермского раскола, так называемого старообрядства. СПб., 1863.	Книга упомянута в Описи 1936 г., но отсутствует в библиотеке Объединенного музея писателей Урала на данный момент.
10	Пермский сборник. М., 1859.	<i>Служебные отметки</i> : На титульном л. – 1. Штамп УОЛЕ, с уточнением о получении в 1915 г. (титульный лист, с.1, 19, 115); 2. Штамп СОМ; 3. Штамп СЛМ. № 627 (зачеркнуто), 77; 4. Штамп СОЛМ; 5. Инв. № 36882, 16398 (черный). <i>Автографы</i> : «Д. Мамин» (титульный лист)
11	Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2.	<i>Служебные отметки</i> : На титульном листе и с. 17, XXVIII – 1. Штамп УОЛЕ (с.1-второй пагинации); 2. Штамп СОМ № 36884; 3. Штамп СОЛМ. № 63 (зачеркнуто), 3917 (зачеркнуто), 75
12	<i>Попов Е.</i> Великопермская и Пермская епархии (1379–1879). Пермь, 1879.	<i>Служебные отметки</i> : На обложке – 1. Штамп СОЛМ, № 578 (с.354), 911 (зачеркнуты), 141, 41; 2. Штамп СОМ; 3. Инв.№№ 29482, 2350; 4. Шифры карандашом «XXV/Ж2-III-91а». «1/В 27 (Ф)»
13	<i>Пругавин А. С.</i> Раскол-сектанство: Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. Вып. 1. Библиография старообрядчества и	<i>Служебные отметки</i> : 1. Запись карандашом на обложке «Мамин Д. Н.» – почерк Б. Удинцева <i>Читательские пометы</i> : NB отмечен № 965: «Отзыв русского старообрядца о венской революции (Русский архив. 1875. Кн. 2. Подчеркнуты слова, что всемирная конституция это <u>нож, медом намазанный</u> . Пометы на № 972: статья Д. П. “Новые подвиги наших лондонских агитаторов» (Русский вестник. 1862. 9), где разбирается содержание первых трех номеров “Общего вече”. NB к № 896: “Не-

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
	его разветвлений. М., 1887. 523 с.	<p>сколько слов о расколе (по поводу брошюры Щапова "Земство и раскол") проф. Нильского (СПб., 1864)». Автор опровергает политическую подоплеку протеста в расколе. NB к № 1021: Вруцевич "Раскол в Пермской губернии" (Отечественные записки. 1883. № 6–7). Отмечается информативность статьи, которая составлена на основании отчетов миссионеров. Кроме сведений о раскольниках, сообщаются подробности о различных сектах. Подчеркнуто о «неплательщиках». Выделены № 992: Юзов И. Политические воззрения староверия (Русская мысль. 1882. № 5). Подчеркнуто высказывание о революционной группе раскольников. № 674 "В лесах" Рассказы Андрея Печерского (П. И. Мельникова). Его же «В горах» (СПб., 1881). Рецензия: Отечественные записки. 1881. № 8. Отмечено высказывание Безобразова об описании Мельниковым быта староверов: "мрачные стороны его нарисованы автором слишком густыми красками" (Русская мысль. 1883. № 11)</p>
14	Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 3, т. 11-15. Б. м., б. г.	<p><i>Служебные отметки:</i> 1. На титульном л. – Инв. № 226; 2. Шифр: 9(47) / С 60. <i>Читательские пометы:</i> Переплетный л. – запись карандашом: «Аввакум читай – 286» (почерк Мамина-Сибиряка), подчеркнута карандашом информация об Аввакуме (с. 286). NB – к рассказу о Никоне и перенесении мощей Филиппа (с. 743)</p>
15	Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии в память П. И. Мельникова. Нижний Новгород, 1910. Первая пагинация – 314 с., вторая – 328 + VI с.	<p><i>Служебные отметки:</i> На титульном л. – 1. Инв. № 354; 2. Шифр П 91/М 48; 3.– 3. «Инв. № 6 музея Мамина-Сибиряка» – запись чернилами (на последнем переплетном л.) <i>Читательские пометы:</i> На переплетном листе запись: «Книга куплена в Н. Новгороде у букиниста» – почерк Б. Д. Удинцева, на титульном листе его же почерком: «Мамин-Сибиряк» Там же выписки карандашом о содержании сборника с указанием страниц: «Кириллова книга – 249, Китеж – 191, Соликамск – 123, Пермь – 13, 67, 68, 77, 121, 144–145, 167, Магницкие – 35, Екатеринбург – 68, 104, Emblemат – 119, Городец – 21. Пометы касаются быта и обрядовых отличий раскольников, их книг (вторая часть сборника). Выделены – сведения о с. Владимирское Макарьевское уезда, где на берегу озера Светлый Яр с 23 на 24 июня собираются молиться о граде Китеже (с. 49), о старообрядческой</p>

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
		иконе с изображением церкви (с. 176), о могиле Софонтия (с. 186–187). NB к информации об участии раскольников в мятежах (с. 231), о духовном Антихристе (с. 232), отличие домов у раскольников (с. 264), о книгах у раскольников (с. 296), о Кирилловой книге (с. 299)
16	Сборник статей, касающийся Пермской губернии, помещенных в Губернских ведомостях 1842–1881. Вып. 1. Пермь, 1882. 257 с.	<i>Служебные отметки:</i> На титульном л.: 1. Штамп СОМ; 2. Штамп СОЛМ № 1460 (зачеркнуто), 76 (с.32); 3. Инв. № 16426, № 145677; 4. Шифр: XXV/3–II-5. 1, 2 (повторены на с. 17) <i>Экслибрисы:</i> «Д. Н. Мамин» (титульный л.) <i>Читательские пометы:</i> В статье Чупина «Полуторасталетие Екатеринбурга» – NB о покровительстве Геннина староверам (с. 24), о судьбах иноземных староверов, о судьбе Сибирякова.
17	<i>Филарет</i> , митр. (В.М. Дроздов) Беседы к глаголемому старообрядцу. СПб., б.г.	Эта книга упомянута в Описи 1936 г., но отсутствует в библиотеке Объединенного музея писателей Урала на данный момент.
18	<i>Филиппов И.</i> История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. Т. 1–14. 479 + V с.	<i>Служебные отметки:</i> 1. Штамп СОЛМ № 1154, отдел 92 (титульный л.); 2. Штамп СОМ (с. 17). <i>Автографы:</i> «Д. Маминъ» (титульный л.) <i>Читательские пометы:</i> Многочисленные читательские пометы карандашом на полях материалов, касающихся Урала и рода Гаврилы Семенова – видного старообрядческого деятеля XVIII в. (с. 38, 53, 168–169, 248–249, 310), на поле – перевод летоисчисления от Сотворения мира в год от Рождества Христова: 7241 – 5508 = 1733 (с. 249).
19	<i>Шишонко В.</i> Пермская летопись с 1263–1881 г. Четвертый период с 1676–1682 г. Пермь, 1884. 653 с.	<i>Служебные отметки:</i> На титульном л. – 1. Штамп УОЛЕ (с. 5, 17, 411); 2. Штамп СОЛМ № 595 (зачеркнуто), 89 (с. 17, 653); 3. Инв. № 36941 (с. 653); 4. Шифры: XXV – Ур/3-III-5в; 3/с IV 1447.5. На внутренней крышке переплета наклейка «Футлярное и картонное заведение Д. А. Кругляшова в собственном доме 1-й части по Набережной улице в Екатеринбурге» <i>Экслибрисы:</i> «Д. Н. Мамин» (с. 3) <i>Автографы:</i> Письмо В. Шишонко: «Посылаю Вам, Димитрий Наркисович, материалы, пока в 5-ти кни-

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
		<p>гах, мне удалось их в продолжении 20-ти с лишкомъ летъ собрать, а еще лучше сказать, извлечь из пыли и издать. Короче: я исполнилъ роль чернорабочего, а Вам как писателю при томъ в силахъ дать посылаемому материалу стройный видъ и вообще все, что делаетъ возможн[ым] легкое ознакомление съ Историей нашего Великаго Пермскаго края. Дм. Мамину от Василя Шишонки. 25 ... 87» (на переплетном листе в начале)</p> <p><i>Читательские пометы:</i> Многочисленные пометы и NB на материале о судьбе рода предпринимателя Попова – жителя Верхотурья, купца, промышленника, сибирского золотоискателя и мецената (с. 287–309). NB к материалу об устройстве и занятиях в Далматовском монастыре, об археологических раскопках в Екатеринбургском уезде, Верхотурье, Перми (с. 619, 621, 624). Пометы на описании суеврий пермяков (с. 610), выделены NB интересные слова: <i>пель-няни</i> – «ухо-тесто», (с. 619)</p>
20	<p><i>Щапов А.П.</i> Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. 549 с.</p>	<p><i>Служебные отметки:</i> На титульном л.: 1. Штaмп УОЛЕ (с. 1, 151, 265, 407); 2. Штaмп СОМ № 12865 (с. 549); 3. Штaмп СОЛМ № 576 (зачеркнуто), 74; (с. 17, 549); Инв. № 1915, 45647. Шифры: XXV/3-I-19 (карандаш).</p> <p><i>Автографы:</i> «Д. Мамин» (на титульном л.)</p> <p><i>Читательские пометы:</i> Помета “зри” на замечании, что книга издается не для ученых “а больше для неученой публики” (с. III), выделены задачи исследования. NB о народно-демократическом характере раскола (с. 105). Помета о религиозно-нравственном предубеждении против всего иностранного (с. 116–117). NB о влиянии протестантства на староверов (с. 175), о двойном окладе староверов (с. 284), о состоятельных людях раскола (с. 294–296), о братьях Денисовых (с. 301). Крестом отмечен абзац, где говорится о зависимости священнослужителей от всех, включая прихожан, а особенно от притеснений со стороны архиерейских чиновников (с. 390). К размышлениям о богословской безграмотности народа в прошлом приписано на поле: «А теперь» (с. 455). Выделены сведения о раскольничьих «ложных» книгах и рукописях (с. 458–460), отмечена цитата из «Духовного регламента» об особенностях воспитания народа (с. 462), указ Петра I о брадобритии (с. 508). Синим карандашом отмечен абзац о странниках (с. 514).</p>

№ п/п	Название книги	Пометы на книге
21	<i>Щапов А. П.</i> Сочинения. Т. 1. СПб., 1906. 803 с.	<i>Служебные отметки:</i> Инв. № 6200 (Музей Д. Н. - Мамина-Сибиряка). <i>Читательские пометы:</i> Помета-указатель на обложке: «Прокопий Устюжский – 669, Урал – 572, Пермь – 698» (красный карандаш, синие чернила). Более всего помет в статье «Русский раскол старообрядства...» (с. 232, 233, 235). Отмечены мысли об истоках фанатизма раскольников (с. 289), об увеличении числа раскольников (с. 283), о положении приписных крестьян (с. 519)
22	<i>Щапов А. П.</i> Сочинения. Т. 2. СПб., 1906. 620 с.	

Автобиография протопопа Аввакума // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 3, отд. 1. М., 1861.

Азбукин В. Н. Антиклерикальная тема в публицистике «Отечественных записок» (1878–1884) // Русская литература 1870–1890 годов. Сб. 8. Свердловск, 1975.

Александр Б[рокович]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола: В 2 ч. СПб., 1861.

Аленов М. И. Василий Суриков. М., 1998.

Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870.

Асафьев Б. В. (Игорь Глебов). Русская живопись. Мысли и думы. М.; Л., 1966.

Базанов В. Русские революционеры-демократы и народознание. Л., 1974.

Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерки истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898.

Вестник Европы. 1871. Кн. 4.

Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936.

Глаголева О. Е. Книги с пометами декабриста С. Н. Бегичева в Туле // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.

Гурьянова Н. С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

Дергачев И. А. К родословию Д. Н. Мамина-Сибиряка // Русская литература 1870–1890 годов. Сб. 7. Свердловск, 1974.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество: Критико-биографический очерк. Свердловск, 1977.

Дергачев И. А., Соболева Л. С. Протопоп Аввакум в писательском сознании Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература и философия. Свердловск, 1984.

Елпичин П. А. Из бесед с теми, кто помнит Мамина // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1936.

Журавлев А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. СПб., 1795.

Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1872–1875 гг. Вып. 6, отд. 2. СПб., 1877.

Иванова М. М. Личная библиотека Д. Н. Мамина-Сибиряка // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936.

«История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 5, ч. 2. М., 1863.

Кантрев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887.

- Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992.
- Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1–2. Лондон. 1860–1861.
- Келенов В. С. В. И. Суриков.* Историческая живопись 1870–1890 гг. М., 1987.
- Келенов В. С. В. И. Суриков* // История русского искусства. Т. 9, кн. 2. М., 1965.
- Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
- Кожанчиков Д. С.* Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова, и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862.
- Литературное наследство. М., 1941. Т. 41; Т. 63. М., 1956.
- Луптов С. П.* Актуальные проблемы изучения истории книги в России в период феодализма // Книга в России до середины XIX века.
- Макарий.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.
- Обличение на Никона патриарха, написанное для царя Алексея Михайловича // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихомировым. Т. 5, отд. 2. М., 1863.
- ОМПУ (Объединенный музей писателей Урала). ф. 1, оп. 1, № 6411; ф. Д. Н. Мамнина-Сибиряка. № 6402; № 6408; № 6413; № 6415; № 6387.
- Отечественные записки. 1869. № 5, отд. 2; 1881. № 4, отд. 2.
- Приходько В. С.* Д. Н. Мамнин-Сибиряк о старообрядцах и протопопе Аввакуме // Русская литература. 1982. № 2.
- Русская мысль. 1881. № 1.
- Северный вестник. 1888. Март.
- Смирнов А.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895.
- Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895.
- Смолич Ю.* Паустовскому я завидую // Воспоминания о Константине Паустовском / Сост. Л. Левинский. М., 1975.
- Соболева Л. С.* «Genius loci» Екатеринбурга в очерке Д. Н. Мамнина-Сибиряка // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., 26–28 мая 1998 г., Екатеринбург–Верхотурье. Екатеринбург. 1998.
- Странник. 1886. № 2.
- Урал: Сб. Зауральского края, посв-й памяти пис-я Д. Н. Мамнина-Сибиряка. Екатеринбург. 1913.
- Филлер В.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1928.
- Харламов И.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. 9.
- Шапов А. П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVIII веке и первой половине XIX // Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1906.
- Юзов И.* Староверы и духовные христиане. СПб., 1881.